

ЯНА ЮМАТОВА

Давай их
ПОЖЕНИМ!

Яна Юматова

Давай их поженим!

«Автор»

2026

Юматова Я.

Давай их поженим! / Я. Юматова — «Автор», 2026

— Твоя мама красивая.— А твой папа крутой.— Думаешь, подружатся?— Если мы всё сделаем правильно — поженятся.— План «Поженить родителей" начинается!***Арина и Паша — семилетние союзники с одной мечтой: семья.Но их родители — заклятые конкуренты и не выносят друг друга. Но кто сказал, что любовь не может начаться с ненависти? Особенно если в дело вмешаются дети с воображением, доступом к системе «умный дом» и чувством юмора.

© Юматова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Яна Юматова

Давай их поженим!

Глава 1

Иван

— Вань, а давай-ка ты дуй с Аришкой в отпуск, - слова Волкова, как гром, среди ясного неба. Отрываюсь от графика по продажам и не сразу понимаю смысл того, что говорит начальник.

— В смысле? - переспрашиваю, все еще косясь одним глазом в отчет по Сочинскому магазину.

— В смысле - море, солнце, пляж и ведро мороженого, - улыбается Марк Геннадьевич. - Роза должна родить вот-вот. Врачи говорят, что на таком сроке это может случиться в любой момент. Так что отпуск на вилле у нас отменяется. А вот ты вполне можешь развеяться. Да и Аришка небось уже плешь тебе проела с каникулами.

— Что есть, то есть, - окончательно отрываюсь от цифр в компьютере и устало тру шею. - Вчера только жаловалась, что все ее подружки разъехались по морям.

При мысли о дочке улыбаюсь. Она у меня очень славная, хотя я ее так избаловал, что иногда на стенку хочется лезть от ее выходок.

Но я люблю ее больше жизни! Она - самое мое большое счастье.

— Ну вот и отлично! Значит, вилла не будет простаивать зря. Ее уже подготовили к приезду. Телефон управляющей сброшу тебе сообщением, а еду будете заказывать, - довольно кивает начальник.

— Спасибо, Марк, - жму руку другу с благодарностью. - А что по сделке?

Ответить Волков не успевает, так как у него трезвонит телефон.

— Да, Розочка, - ласково и мгновенно отвечает на звонок босс, и в его голосе столько нежности, что ни за что не подумать, что этот мужчина может одним словом буквально размазать человека. Бизнесмен с железной хваткой, чье сердце смогла растопить маленькая бойкая ассистентка.

Марк показывает жестом одновременно, что ему жаль, что мы не договорили и что мне пора выметаться.

Улыбаясь, машу ему рукой и еду за дочкой.

Когда заезжаю за Ариной в лагерь, солнце уже садится, а над асфальтом колышется марево летнего зноя. Дети носятся кто куда, кто-то кричит, кто-то сидит с телефоном, а в углу кто-то ревет.

Прохожу через ворота, обхожу корпус — и нахожу свою девочку у стены. Она сидит на рюкзаке, ноги поджаты, на лице маска спокойствия. Так она делает всегда, когда ей плохо.

— Привет, Рыжик, — говорю и распахиваю объятия, ожидая, что дочка повиснет на шее. Но Арина вяло плетется ко мне и поднимает руку в знак приветствия.

— Привет, пап.

— Ты готова?

— Угу.

Мы идём к выходу молча. Она не скачет, не болтает, и даже не просит мороженое — а обычно это первое, что она делает, когда я её забираю. Ну после обнимашек.

— Рыжик, — говорю я, когда мы выходим за калитку, — ты чего такая грустная?

Она мнётся, потом пожимает плечами.

— Да с Лизкой поругались.

— Из-за чего?

— Она сказала, что я жалкая, раз у меня нет мамы.

Молчит пару секунд и добавляет:

— И что я странная. Потому что не люблю куклы и не умею плести косички. А как их плести, если волосы непослушные?! - она тычет указательным пальцем на свои густые волосы цвета расплавленной меди.

— Да кто вообще эти косички придумал! - поддакиваю я, а сам пытаюсь переварить услышанное. Что за люди - дети? Ну кто тянул эту Лизу за язык - ударить по больному!

— А ты что ей ответила? - добавляю через мгновение.

Арина опускает глаза.

— Что лучше быть странной, чем вредной.

— Справедливо.

— И... засунула ей в сумкудохлого кузнечика.

— Арина.

— Я не убивала! Он уже был мёртвый. Просто... хотела, чтобы ей было не так весело.

Я вздыхаю.

— И что, Лизка, пожаловалась учительнице?

— А то. Училка сказала, что я ей все волосы седыми сделаю.

Мы подходим к машине. Арина садится на заднее сиденье, застёгивает ремень и разглядывает что-то через окно. Щёки розовые, глаза серьёзные.

В ней так много меня, но еще больше от её мамы.

Ее звали Ася. Беременность прошла легко, роды — почти без осложнений. А вот через три недели поднялась температура, потом боль. Никто сразу не понял, в чем дело, а потом оказалось слишком поздно. Септический шок - и моей прекрасной рыжеволосой Аси не стало.

С тех пор прошло семь лет. Я так и не завел новые отношения, потому что в моем сердце не осталось места для любви к другой женщине.

Я не вспоминаю Асю слишком часто. Только каждый день — по запаху духов в толпе, по еле заметному жесту в чужом лице.

А когда Арина смеётся — и вовсе кажется, будто она снова здесь.

И ради этой улыбки я готов на всё. Даже научиться жить заново.

— У меня для тебя обалденный сюрприз, — говорю я, пытаюсь поднять дочке настроение, — только держись крепче.

Ариша поворачивает голову и подозрительно прищуривает один глаз.

— Ты женишься? - спрашивает дочка.

— Не такой обалденный, - качаю головой и смеюсь. С некоторых пор ей вбилося в голову, что я обязательно должен жениться. - Мы поедем с тобой в отпуск! На море!

— Не супер-пупер сюрприз, конечно, - хмыкает дочка.

— Ты не рада? Могу и отменить сказочную виллу на берегу моря, - с деланным равнодушием пожимаю плечами.

— Ты научишь меня нырять? - строго спрашивает Арина, через секунду молчания.

— Конечно.

— И разрешишь есть мороженое три раза в день? - ее вопросы больше похожи на ультиматум.

— Два раза — точно.

— Тогда хочу, - снисходительно объявляет дочка и начинает довольно напевать себе под нос детскую песенку.

А я в этот момент понимаю, что отпуск и в самом деле нужен нам обоим.

Она устала.

Я — тоже.

И если где-то можно выдохнуть, то это у моря.

Там, где ни школ, ни лагерей, ни чужих обидных слов.

Глава 2

Иван

Мы приезжаем на виллу после обеда. Воздух влажный и тёплый, пахнет хвоей, солью и арбузами.

Арина прилипает к окну — глаза круглые, рот приоткрыт.

— Зачетно! Мы правда здесь будем жить? — шепчет она, пока машина поднимается по плиточной дорожке.

— Угу, — киваю. — Дядя Марк дал нам ключи.

— А почему?

— Потому что он хороший человек...

Волков и впрямь отличный мужик. Заочно я с ним был знаком еще тогда, когда он выступал спикером на экономических форумах и делился опытом управления корпорациями. Я работал в другой сфере, но рекомендации Марка Геннадьевича Волкова можно было смело применять к любому направлению.

Пару лет назад мы с ним пересеклись на одной из конференций, обменялись кое-какими замечаниями по одному из обсуждаемых вопросов и неожиданно поняли, что во многом наши принципы работы схожи.

Когда через некоторое время предложил мне перейти работать к нему, я без раздумий согласился.

Мне было интересно попробовать себя в новой сфере и я возглавил новое для фабрики Волкова направление по производству женского белья.

Я много работал и сумел вывести молодой бренд в топы. И через год Волков выделил мне долю в компании и место своего первого зама. К тому же мы подружились.

— Иии... - Арина наклоняет голову и выжидательно на меня смотрит. - Ты как-то незаконченно ответил.

— И потому что ему не до моря сейчас - у него вот-вот родится ребёнок, - поясняю с улыбкой.

Она задумывается.

— А ты будешь дядей для его малышика?

— Пожалуй, да, — усмехаюсь.

— Вот ты бы у нас тоже малыш появился, - вздыхает Арина. - Я бы с ним нянчилась, в колясочке возила.

— Подгузники меняла, - поддразниваю ее.

— Эээ, стоп, на подгузники я не соглашалась, - дочка корчит смешную рожицу и отворачивается к окну.

Вилла стоит на холме — белая, со ставнями, с верандой, вся в тених от сосен. На перилах сушится чья-то плетёная шляпа, а у двери стоит корзина с фруктами и бутылка воды.

Арина впечатлена размерами дома и носится по комнатам, как бешеный котёнок. У неё новый фаворит — ванная с круглым зеркалом и ящиком, в котором лежит фен.

— Это люкс, пап! Полотенца такие мягкие,ммм!- дочка трется щекой о белоснежное полотенце, всем своим видом выражая блаженство.

— А вон там, похоже, кухня, — говорю, сверяясь с планом дома в телефоне. — Будешь дежурной по тостам.

— Легко! Тогда ты будешь мыть посуду.

Я улыбаюсь, достаю телефон, выхожу на террасу и набираю Волкова. Он берёт с первого гудка.

— Добрались? — спрашивает.

— Да, вилла огонь. Спасибо тебе. Серьёзно.

— Да не за что. Нам сейчас всё равно не до моря.

— По сделке все идет нормально? — спрашиваю, но Марк Геннадьевич обрывает:

— Вань, хватит. Отдыхай.

— Просто если этот выскочка из «Имтекса» всё-таки подвинет нас, — начинаю я.

— Не подвинет. Я говорил с юристами владельца цеха. Всё идёт по плану. И я всё держу под контролем. Ты лучше скажи, Аришка довольна?

С террасы видно, как Арина уже стоит босиком на плитке перед домом и пробует открыть сок с винтовой крышкой. Как хмурится и морщит нос оттого, что не получается это сделать с первой попытки, но не сдаётся и продолжает.

Упрямая, маленькая рыжая бестия.

— Довольна, — хмыкаю я. — Уже выбрала себе ванную и комнату.

— Отлично. Значит, ты должен расслабиться.

— Не умею.

— Научишься. Там, где море, не быть счастливым — это преступление. Все, отбой.

Он отключается, а я стою с телефоном в руке и слушаю, как за соснами шумит море.

— Пап, — зовёт Арина, — пойдём на пляж. Только глянуть!

Знаю, что спорить бесполезно, поэтому через пять минут мы идём по дорожке вниз — по дорожке из плитки, мимо колючек и лаванды. И вот уже песок, шумят волны, а по ногам скользит ветер.

— Ура, море! - визжит дочка, скидывает сланцы и забегает в воду.

— Рыжик, осторожно! Не плюхнись в воду! - кричу ей вслед, но знаю, что мои слова ее не остановят.

Арина уже прыгает, обдавая брызгами все вокруг.

Снимаю пляжные тапки и подхожу к ней. Мгновенно оказываюсь мокрым.

— Вообще-то кто-то хотел только посмотреть, - напоминаю я и пытаюсь изобразить на лице строгость.

— Да ладно, пап! Это же море! Морюшко! И я проверяю температуру воды, - добавляет она важно.

Арина продолжает скакать по берегу, играя с волной в догонялки, а я с теплом наблюдаю за ней и думаю, что Ася сейчас бы точно так же шлепала босиком по воде.

Внезапный глухой удар о песок рядом с нами отвлекает Арину от воды.

Он заинтересованно смотрит на футбольный мяч, который катится прямо в море.

Она ловко останавливает его ногой, а потом подбрасывает — и в ту же секунду перед нами вырастает мальчишка. Примерно ее возраста. В купальных шортах и с растрёпанными волосами.

— Это твой? — спрашивает Арина, кивая на мяч.

— Ага.

— Я Арина. Из вооон той виллы, - сообщает она, указывая рукой на наш дом.

— А я Паша. Мы тут живём вон в том домике уже три дня, - мальчишка кивает в сторону небольшого дома со стеклянными окнами в пол, справа от нашей виллы.

— Ничего такой домишка, - одобрительно хмыкает Арина и тут же меняет тему:

— А ты в футбол здесь играешь?

— Тренируюсь, - улыбается мальчик. - Здесь не с кем погонять мяч.

— Теперь есть, приходи завтра, будем вместе играть, - повелевает моя рыжеволосая принцесса, а Паша послушно кивает.

Что за магия в этой девчонке, не знаю, но она всегда покоряет всех с первого взгляда. Ох, и натерпятся ее женихи.

Стоп! Какие еще женихи! Ей всего семь!

Машу головой, вытряхивая такие мысли. А Ариша подводит итог неожиданного знакомства, когда мы мокрые идем обратно.

— Хороший, — говорит она. — Не дразнится. И не смотрит, как будто у меня две головы.

— Это важное качество. Особенно для мальчика с мячом.

Дочка болтает еще о чем-то, а я вдруг понимаю, что соскучился за покоем. За таким воздухом, который не дрожит от городского марева, за тишиной, которую не нарушают клаксоны вечно недовольных водителей.

И в очередной раз мысленно благодарю Волкова за неожиданный отпуск в таком райском месте.

Глава 3

Ира

Я не люблю отдыхать.

Для меня «отпуск» — это просадка продаж, бездействующая линия, неотвеченные письма и кто-то, кто обязательно накосячит на ровном месте, пока я в купальнике пью сок через трубочку.

Но в этот раз я сдалась.

Паша не ныл и не капризничал, просто в один момент стал тихим. И однажды вечером, укладывая сына спать, я спросила:

— Ты плохо себя чувствуешь?

Он молча кивнул, а потом прошептал:

— Хочу, чтобы мы вместе с тобой уехали в отпуск.

— Паш...

— Ну хоть на чуть-чуть. Мне просто страшно, что ты превращаешься в робота, — тихонько произнес сын перед тем, как уткнуться носом в игрушечного льва — верного друга с самого раннего детства.

Пашка считает себя взрослым и уже не спит с игрушками. Лева попадает к нему в кровать только, когда сынок болеет или сильно грустит.

И я сдалась. Нашла виллу через знакомых, упаковала ноут, три вида крема от загара — и мы улетели.

Прямо посреди нового запуска коллекции. Прямо накануне важной сделки.

Дикая идея, конечно.

Но когда Паша вышел из такси у калитки и просто стоял с открытым ртом, глядя на сосны и море — я поняла, что поступила правильно.

Ведь самое важное в моей жизни — мой мальчик. Ради него я пашу, как проклятая.

Не хочу никогда больше испытывать то чувство отчаяния, когда тебе не на что купить ребенку еду.

Мой парень сбежал, едва узнав о беременности. Легкомысленный мажор не был готов взять на себя ответственность, помогать отказался, сказав, что я сама виновата, что не предохранялась. А потом заявила его мамаша с угрозами, что если я хоть раз посмею появиться на горизонте их богатенькой семьи, то мне сильно не поздоровится.

Мои родители тоже приняли новость не радостно. Отец назвал проституткой, а мама договорилась со знакомой врачихой в роддоме на аборт.

Я вернулась в общежитие при университете и продолжала учиться до родов, перебиваясь подработками.

Когда родился Пашка, мне еще разрешили пожить в моей комнате до начала учебного года, а потом я съехала в крохотную каморку в коммуналке.

Перевелась на удаленное обучение, разместила резюме на сайте фрилансеров и хваталась за любую возможность заработать.

Но однажды сынок заболел, и мне пришлось потратить на лекарства все сбережения на черный день. Никогда не забуду тот вечер, когда Пашка орал голодным плачем, а я вымывала водой последние крошки смеси в банке.

Тогда мне помогла старая соседка-бабулька. Она принесла козьего молока, забрала орущего Пашу и накормила его из бутылочки.

— Эх, девонька, влюбляться ни за что нельзя, мужики эти кобели, никогда до добра не доводят, — прокряхтела старушка.

Я даже ответить ей не могла из-за накрывшей истерики.

— Знаю все, сама через это прошла, - бабулька уложила заснувшего сытого Пашку на кровать, а потом долго гладила меня по волосам, пока я не успокоилась.

Той ночью я пообещала себе, что никогда больше не позволю такому случиться.

С тех пор я работала еще больше и усердней. А когда сын пошел в садик, начала строить карьеру.

Судьба мне благоволила, потому что у меня получилось организовать свое дело. И теперь я - довольно серьезный игрок в сфере производства женской одежды.

А теперь сижу на веранде виллы в стиле хай-тек с видом на море. В ноуте — таблицы, в телефоне — три чата с дизайнерами и бухгалтерией, а на столе — холодный кофе, который я опять не допила.

И вроде бы можно расслабиться и выдохнуть, не сжигать нервы из-за предстоящей сделки, но не получается. Тот страх остаться без копейки заставляет меня ставить еще более грандиозные цели и идти напролом к их достижению.

Конечно, совмещать амплу бизнес - стервы и нежной мамы нелегко, но я стараюсь. А что касается отношений с мужчинами - то на этом я поставила большой и жирный крест.

Одного урока хватило на всю жизнь.

Внимательно смотрю на пляж, который прекрасно виден из нашего дома. Вижу Пашу и улыбаюсь. Рядом с ним девчушка с рыжими волосами что-то ему говорит, а он согласно кивает и улыбается чуть смущенной улыбкой. Надо же, уже с кем-то подружился!

Девочка уходит, а через несколько минут к веранде подбегает мой сын — встрепанный, счастливый, со щеками, покрасневшими от солнца.

— Попей лимонаду, - протягиваю сыну стакан с прохладным напитком. - Весь мокрый, - ласково треплю его за волосы и улыбаюсь, когда Паша выворачивается из-под моей руки.

— Ну мааам, я ж не маленький, - протестует он.

— А я тебя и немаленького хочу обнять, - улыбаюсь и чмокаю сына в непослушный вихор на лбу.

— Ты с кем-то подружился на пляже?

— Там девочка приехала. Арина, - он делает паузу, допивает лимонад и добавляет чуть тише. - Она прикольная. И у неё папа есть. Он обещал завтра ее научить нырять.

По сердцу как бритвой проходятся.

— Мам, а ты нырять умеешь? - через секундную паузу спрашивает сын.

— Я? - от растерянности заикаюсь. - Эм... не особо.

— Жаль, - вздыхает Пашка и с интересом смотрит на соседнюю виллу с белыми стенами и колоннами.

— Они в соседнем доме живут, - поясняет он, замечая мой вопросительный взгляд.

— Понятно, - киваю, не зная, что сказать.

— Мам. А у меня будет когда-нибудь папа? - продолжает шокировать сын.

Я аж давлюсь лимонадом.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто... У всех моих друзей есть папы. И у Арины есть.

— А разве нам плохо вдвоем? — осторожно спрашиваю я.

— Нет. Но... Просто, понимаешь, я бы хотел, чтобы меня тоже папа научил нырять...

— А давай мы тренера найдем, и он тебя научит? - предлагаю я, подвигаясь поближе к сыну.

Он молчит, а потом всё-таки шепчет:

— А я могу мечтать, что у меня когда-нибудь будет папа?

Я киваю.

— Конечно можешь.

Он обнимает меня, а я стараюсь не разреветься, зарываясь лицом в его соленые от морской воды волосы.

— Я тебя люблю. Даже если ты не умеешь нырять, - Паша, конечно, слышит, что я сдерживаю всхлипы, и пытается ободрить.

— И я тебя люблю. Даже если ты мечтаешь не только обо мне, - шепчу я.

— Можно я пойду телек посмотрю?

— Конечно! А я пока поработаю, хорошо?

— Идет! - кивает он.

Смотрю вслед сыну, когда он входит в дом.

Когда он так повзрослел? Ему ведь через месяц всего восемь, а рассуждения и вопросы, как у взрослого.

Возвращаюсь к таблице, но внутри муторно от беспокойства. Потому что Паша впервые произнес вслух то, что, я думала, мы с ним оба молча договорились не трогать.

Телефон звонит и вырывает из тяжелых дум.

— Да, Юля, — говорю, не глядя. — Я на связи.

— Ирина Владимировна, у нас новости по цеху. Хозяин начал колебаться.

— Почему?

— Ему поступило ещё одно предложение. Вы понимаете, от кого.

Я встаю, отхожу на край веранды.

— Команда Волкова?

— Да.

— Сумма?

— Не говорит. Но намекает, что «у других возможностей больше».

Я выдыхаю сквозь зубы.

— Конечно, больше. У него инвесторы, а у меня — лишь решимость и сумма в обрез к первоначальной цене.

— Что делать?

— Давить.

— Как?

— Сказать, что если он поднимет цену хоть на копейку — мы уходим. Что у нас другой объект на примете.

— Но ведь нет?

— Юля.

— Да?

— Это игра. Или он подписывает по текущей цене, или останется с Волковым и ожиданиями, которые те потом не факт, что исполнят.

— Я поняла.

— Всё. Держите его в тонусе. И без соплей.

Я отключаюсь.

Смотрю на небо. Голубое, ясное, идеальное, и не могу им наслаждаться, потому что мозг прокручивает тысячу разных вариантов развития событий и варианты решений.

Потому что я не могу себе позволить проиграть.

Мне некому будет всё это восстановить, если я провалюсь.

Я — не Волков. Не его команда и не его деньги.

У меня нет подушки безопасности. Есть только руки, мозг — и ребёнок, который мечтает о папе.

Глава 4

Ира

Пляж в восемь утра — идеальное место, если ты не хочешь никого не видеть. Ну, или почти никого.

Паша бежит по песку, будто его кто-то катапультировал из рогатки, а я зеваю и думаю, что мне бы кофе, маску на лицо и плед. Но нет. Я обещала сыну быть с ним.

Только успеваю достать полотенце, как Паша вдруг радостно орёт:

— Мама! Арина вернулась!

Что?

Поворачиваюсь — и правда. Та самая девочка с веснушками, как россыпь специй на капучино, уверенно топает к нам. А рядом с ней...

Ну привет, тахикардия.

Высокий, мускулистый, уверенный и, судя по лицу — знает, что неотразим.

Тот самый тип мужчин, от которых потом долго лечишься мимозой, сериалами и анти-депрессантами в каплях.

Он останавливается рядом, а я лихорадочно пытаюсь вспомнить, где я его уже видела. Очень знакомое лицо.

Неужели кто-то из знаменитостей? Или футболист? Пашка иногда уговаривает меня смотреть с ним футбольные матчи по телеку. Наверное, там и видела его.

Я вежливо киваю. Он — тоже.

— Кажется, наши дети подружились, — говорит мужчина и широко улыбается. Зубы у него, конечно, тоже идеальные. И губы... Черт! Сафонова, возьми себя в руки!

— Что-то мне подсказывает, они подписали пакт о дружбе без нашего ведома, — парирую я.

Он смотрит, прищурившись. А я уже чувствую: меня начинает раздражать, что он такой симпатичный. И притягательный.

— Иван, — протягивает он руку.

— Ирина, — жму. Не улыбаюсь.

— Ирина... — повторяет он, рассматривая меня без тени стеснения. — Вам идёт.

Ага. Ещё скажи, что у меня глаза интересные и духи вкусные.

Ну-ну.

— Я собираюсь в тот ларек за напитками, хотите что-нибудь? - вдруг предлагает “мистер Вселенная”.

— Кофе. Чёрный, как полоса в моей жизни, - фыркаю я.

Он усмехается и уходит. А я злюсь на себя за такую реакцию на незнакомого мужика. Ну красивый, да, но что сразу нужно, чтобы мозг плавился и стекал в т... Стоп, мысли куда-то не туда сегодня плывут!

Права была подруга Танька, когда говорила, что мне давно пора любовника завести. Чисто для здоровья.

Только я успокаиваюсь и устраиваюсь на лежаке, как раздаётся звонок.

— Да, Юля, - раздраженно рявкаю в трубку.

— Ирина Владимировна! У нас ЧП!

— Что случилось?

— Этот... этот Стриженов! Зам Волкова! Он предложил такие условия, что продавец, мать его, сто процентов подпишет и ещё и душу свою в довесок продаст!

— Спокойно. Что именно он предложил?

— Вся логистика на них, полный расчёт в течение трёх дней, страхование оборудования — за их счёт. И они ещё согласны выкупить здание с арендой на предыдущего собственника!

— Подожди. Опять тот Стриженов, который “мистер-я-идеальный-топ-менеджер-всея-руси”?

— Да! Продуманный засранец. Простите, но по-другому не назвать. Он тихо сидел в тени, а теперь — бах. Как черт из табакерки. Четр бы его подрал!

— Так, Юля, успокойся! И срочно свяжись с представителями продавца. Пусть наш юротдел подготовит претензию о нарушении договора о намерениях. Потом перезвонишь мне.

Отключаю звонок и сжимаю телефон, уставившись на играющих у кромки воды Пашу и Арину.

А в голове как будто тумблер щелкает.

Иван Стриженов...

Вбиваю в поисковик его имя и получаю несколько десятков фотографий папы Арины.

Вот почему он показался мне знакомым! Только он вовсе не футболист. Он - настоящий засранец, который хочет увести у меня из-под носа цех по производству пуговиц и замков!

Делаю глубокий вдох, потом еще один. Ставлю лицо в режим «ледяная стерва» и жду.

Он подходит и протягивает мне стакан.

— Чёрный — как просили.

— Спасибо, — говорю я, но не делаю ни единого движения, чтобы принять предложенный напиток. — А скажите, Иван... Вы кофе всегда подаёте так мило? Или только когда подлянку другим подкладываете?

— Простите? - моргает Иван непонимающе.

— Паша, мы уходим, - кричу я сыну и одновременно сдергиваю полотенце с лежака.

— Но, мааам! - протестует сын.

— Сейчас же! - отрезаю я, швыряя все в пляжную сумку, и едва не задеваю бедром все еще вытянутую руку Стриженова с кофе. Он непроизвольно дергается и горячая жидкость выплескивается ему на руку.

— Черт! - ругается он вполголоса, а в синих глазах читается: "Что это сейчас было?"

И я ухожу. С высоко поднятой головой, держа Пашу за руку, а в голове мысль: “Я что, и правда заметила, какого цвета у него глаза?!”

Вот же дура...

Паша бубнит что-то про волны и вообще «мам, мы же только пришли», но я упорно тяну его в сторону выхода с пляжа, как танк. На каблуках я бы сейчас сотрясала землю. В шлёпанцах же — просто рассекаю песок, но эффект тот же. Мать в гневе. Режим "Берсерк".

Какой же мерзавец этот Иван.

Нет, правда. Стоит там, такой весь расслабленный, любезный, с идеально красивым лицом и соблазнительными губами, как будто он не бизнес-акула, а обладатель звания “Мистер Вселенная”.

А сам, между прочим, собирается увести у меня объект, который я выдираю зубами.

Плюхаюсь в плетеное кресло на веранде нашего домика. Паша пытит, отряхивает ноги и пихает ракушку в карман. Молчит. Знаю, что обиделся.

Прости, сын, но мама немножко не вывозит.

Обида врастает в позвоночник, как игла. Хочется звонить Волкову, Юле, юристам, кому угодно — и устроить разнос. Но я делаю глубокий вдох. Потом ещё один. Потом третий — назло себе и Стриженову.

Лезу в телефон, перечитываю статью с его фото. Всё-таки вот несправедливость — почему такие скользкие типы выглядят как герои реклам «Аэрофлота»?

Серьёзно, у него там и профиль с правильной линией подбородка, и рука на плече ребёнка, и улыбка эта — "я всё решу, доверьтесь мне".

Да пошёл ты.

— Мам, ты злишься, да? — осторожно спрашивает Пашка, болтая ногами.

— Нет, солнышко, — вздыхаю и снимаю темные очки. — Просто кое-что идет не по плану на работе, и я расстроена.

— Ммм... А можно потом вернуться на пляж? Мы с Ариной решили прорыть тоннель до океана.

— Мы в Чёрном море, Паш. Отсюда только до супермаркета и то — в лучшем случае.

Он хихикает. Ну хоть у кого-то настроение возвращается.

А у меня в голове уже начинает складываться стратегия. Чётко, по пунктам.

Пункт первый — выяснить, на какой стадии сделка.

Пункт второй — найти слабое звено у этого бизнес-Бонда.

Пункт третий — использовать его, желательно, без уголовного кодекса.

И только в самом конце — пункт четвёртый: забыть, как у него блестели глаза, когда он смотрел на дочку.

Нет, Ира, нет. Мы не ведёмся на пап с добрым взглядом. Мы взрослые, холодные, собранные. Нам не до феромонов. У нас пуговицы. И молнии.

— Можем купим арбуз? - предлагает Пашка.

— Но только если сам понесёшь.

— Окей! — и уже несётся к палатке на пляже.

Наблюдаю за ним и снова вспоминаю, как Иван стоял, с кофе в руках, и искренне не понимал, за что я его укусила.

Приятно, когда враг не подозревает, что он — враг.

Пусть немного побудет в неведении, а я пока продумаю следующий ход.

В шахматах это называется «вилка».

А на войне — «перемирие перед ударом».

Глава 5

Иван

Сажу на лежаке. В руках — стакан кофе, который уже остыл, а на лице, наверняка, — выражение человека, который минуту назад думал, что утро удалось, а теперь понятия не имеет, что вообще произошло.

Что это было?

Сначала — вроде нормальная девушка. Симпатичная. Без нарощенных ресниц и интонаций «я королева, мне все должны». Без силикона, без пафоса, глаза такие... настоящие. Я даже подумал — ничего себе, редкость.

А потом, бах, и вторая смена, как говорится.

Красивая девушка вдруг превращается в истеричку с таким выражением лица, как будто я съел её карманную собачку.

— Пап, — тянет Арина, подходя и щурясь от солнца, — а что случилось с мамой Паши? Она на тебя накричала?

— Не накричала, — мямлю я. — Просто...

Просто я вляпался в какую-то эмоциональную западню без предупреждения.

— Мама у Паши красивая... — восхищенно говорит Арина. — А тебе понравилась? - хитро прищуривается дочь.

— Очень. До того момента, как она едва не плеснула мне в лицо кофе, - хмыкаю я.

— Чего? - у дочки округляются глаза.

— Неважно, - трясую головой и поднимаюсь. — Пойдем лучше, искупаемся. Может, море тебя охладит. А меня — приведёт в чувство.

Мы плюхаемся в воду, плещемся, смеёмся, Арина поёт что-то из мультика. А я пытаюсь вспомнить, где я видел маму Паши раньше?

Что-то знакомое в ее милом лице с пухлыми губками. Эти зеленые глаза я точно где-то видел. В них столько огня, что один раз увидишь и не забудешь больше. Или манера говорить. Неужели какая-то актриса? Блогер? Может, ведущая с делового телеканала? Хотя нет — слишком резкая. Там таких шлифуют.

Но ощущение — будто я точно уже пересекался с ней. И не один раз.

На виллу возвращаемся уже ближе к обеду. Арина уставшая, счастливая и солёная, как селедка.

Пока дочка валится на диван и мгновенно засыпает, я решаю, что пора вернуться в привычную зону — работа. Чёткие формулировки, деловые звонки, без женской логики и неоправданных выпадов.

Звоню Волкову. Тот берёт трубку на втором гудке, дышит тяжело.

— Не сейчас, я в роддом еду, Роза рожает!

— Охренеть, — только и выдыхаю. — Слушай, мне нужно знать, что с цехом. Там продавец...

— Да-да, — Волков сопит. — Позвони юристам. Они разбираются. Я тут пока с Розой, держись.

И отключается.

Юристы отвечают только с третьего раза.

— Иван Андреевич, там что-то странное. Продавец внезапно взял паузу. Сказал, что ему нужно время «сравнить предложения» и «поговорить с семьёй».

— Какой семьи? - не понимаю я и злюсь. Что за игры?

— Ну вот... — мямлит юрист. — Похоже, вмешалась Сафонова.

— Кто?

— Сафонова Ирина Владимировна. Руководит «Имтексом». Они тоже охотятся за объектом, и, судя по тому, как продавец занервничал — она начала активные действия.

Сафонова.

Ирина.

Щёлк.

Бинго.

Хлопаю себя по бокам, будто проверяю: я цел? Я не сплю?

— Да не может быть, — шепчу. — Только не это.

И снова перед глазами: пляж, кофе, полыхающий зеленый взгляд, Паша, Арина...

Та самая Сафонова. Черт в юбке.

Моя головная боль с лицом женщины, которую я не прочь пригласить на завтрак.

Теперь — точно нет.

Хотя...

Блин. Собирайся, Стриженов! Не тем местом сейчас думаешь!

Отрываюсь от телефона и всматриваюсь в горизонт, где море перекачивает волну за волной. Спокойная бирюзовая поверхность, в которой нет ни одного намёка на то, что только что по мне прокатился ураган по имени Сафонова.

— Пап, — вдруг слышу сбоку. — А ты чего завис?

— Думаю, — отзываюсь рассеянно.

— О чём?

— О том, как иногда красивые женщины могут испортить тебе и кофе, и всё утро.

Арина хихикает и садится рядом. На её щеке — след от подушки, а волосы торчат в разные стороны от засохшей морской соли.

— То есть она тебе все-таки понравилась? — уточняет она с тем самым взглядом, который должен бы быть у психотерапевта.

— Я такого не говорил, — бурчу.

— Но подумал! Я же вижу, — сияет она. — У тебя губы дёрнулись, когда она уходила. Это значит, ты хотел что-то сказать. Или поцеловать.

— Арина...

— Ладно-ладно, молчу. Но она крутая. Такая красивая!

— Поехали лучше поедим в ресторан? Или пиццу закажем? - спешу сменить тему.

— Пицца! Пицца! Ура!!! - верещит дочь, изображая победный танец людоеда.

Она замолкает на мгновение, а потом спрашивает с невинным выражением лица:

— Может, пригласим их тоже на пиццу?

— Арина, не наглей, - с деланной строгостью произношу я.

— Окей-окей, - дочка поднимает руки вверх. - Я пошутила. Пока... - шепотом добавляет она.

— Что, не слышал?

— Планы на день, говорю, какие? - невинно улыбается Ариша.

Обычно такое лицо у моей дочки тогда, когда она замышляет что-то. Но сейчас я не допытываюсь, потому что мой план на ближайшие пару часов — понять, что, чёрт возьми, происходит.

И не позволить никакой Сафоновой разрушить мою сделку века.

Глава 6

Арина

Жую пиццу и думаю, что так дело не пойдёт.

Какое дело? Самое важное — операция “Жена для папы и мама для меня”.

Я уже давно присматриваю папе подходящую невесту. И среди его работников, и среди официанток. Но всё не то. Некоторые девушки, честно, пугают. Смотрят на папу так, как будто хотят его съесть. Прямо зубами. Бе-е-е.

Я даже придумала искать ему жену среди нянь. Но тут засада.

Фух, сколько жвачек я “нечаянно” позалепляла в волосы старушек, которых папа брал на работу в мои... эти... губернатки. Нет, гувернёрки! Воспиталки, короче.

Прошу, чтобы были молодые и красивые, а он мне — опять Зинаиду Влади-сло-ве??.. ловну... или как-то так... с тремя подбородками.

Папа говорит, что красивые девушки - «несерьёзные» мадам .

Ну и ладно! Пусть несерьёзные! Мне как раз весёлую надо. И добрую. И чтоб пахла вкусно. И чтоб папа влюбился!

А то он иногда такой грустный.

А вот мама Паши мне понравилась сразу. Она красивая! У неё такие волосы длинные и глаза... такие... как у медсестры школьной, когда она дует на разбитую коленку и зеленкой мажет. Добрые, в общем.

Ой, а вдруг у нее муж есть! Тогда весь план провалится! Надо срочно выяснить, есть ли у Паши папа!

— Паап, — начинаю я вкрадчиво, голосом, как на день рождения, когда подарок хочу. Самым сладким. — А можно я приглашу Пашу поиграть у нас во дворе?

Папа смотрит подозрительно.

— А тебе самой скучно, что ли?

Делаю невинное лицо. Как у котёнка, который случайно уронил вазу.

— Не хочу тебя отвлекать, я же знаю, что даже в отпуске тебе нужно за делами следить... Ты же важный, с бизнесом.

Он улыбается. Всё! Попался!

— Какая ты у меня взрослая, — говорит и целует меня в макушку. — Конечно, пригласи. Только не уверен, что его мама отпустит.

Ну да, мама Паши — такая строгая... Но Красиивая. Очень!

Мы вместе идем к соседнему дому с огромными окнами вместо стен. Я бы, конечно, могла и сама сбегать и позвать Пашу, но я хочу, чтобы папа еще раз хорошенько разглядел Пашину маму. Точно знаю, что она ему понравилась. Теперь нужно закрепить эффект, так сказать. Поэтому и попросила папу пойти со мной.

Дверь открывает мама Паши, и сразу смотрит на папу так, как будто он подложил ей жвачку на стул.

Ну всё, сейчас начнётся...

— Добрый день, — говорит папа, и я слышу, как он делает тот вежливый голос, которым обычно разговаривает с теми, кого хочет уволить, но пока не может.

— Здравствуйте, — говорит она, как будто ест лимон.

Пауза.

— Мы пришли пригласить Пашу к нам во двор. Ненадолго, если вы не против, — говорит папа.

Он улыбается, но как-то не по-настоящему. А мама Паши делает вид, что не замечает.

— Удивительно, как вы всё успеваете, — говорит она, засовывая руки в карманы джинсовых шортиков. — И делами заниматься, и детей водить, и в чужие сделки влезать.

Ого! Вот это сейчас было. Как будто обманка с обёрткой от шоколадки, а внутри — перец чили.

Папа делает шаг вперёд.

— Не влезаю, а работаю. И не с чужими, а с теми, кто ищет лучшие условия.

— Лучшие — не всегда честные, — шурится мама Паши. — Или вы решили, что если договорённости на словах, то их можно растоптать, как песчаный замок?

Папа вежливо вздыхает. Это значит — злится, но сдерживается.

— Я не виноват, что некоторые тратят время на игры в принципы, а другие просто действуют.

— Действуют, как бульдозеры. Без оглядки.

— А кто-то — как ледоколы. Холодно и оставляя после себя обломки, — говорит папа, и я смотрю на него с открытым ртом.

О чем это они вообще? Мы же Пашу пришли пригласить, а взрослые как будто с ума сошли. Или они злятся?

Смотрю на них и снова думаю, что они точно друг другу подходят. Потому что оба как будто с иглками, но не страшными. А такими, как у ёжика — колючий, но хорошенький.

— Паш, к тебе гости, — зовёт Ирина. Голос всё ещё холодный, но глаза уже не такие злые.

Паша прибегает, смотрит сначала на меня, потом на папу.

— Привет!

— Можешь пойти поиграть у Арины, только не допоздна. И никакого мороженого перед ужином.

Паша кивает. Мы уже почти убегаем, но я оборачиваюсь.

Папа смотрит на маму Паши как будто говорит «ещё увидимся». А она — как будто отвечает: «я не против».

И у меня внутри щекочет.

Всё идёт по плану!

Едва оказываемся у нас во дворе, на достаточном расстоянии от папы, я выпаливаю вопрос дня:

— А у тебя папа есть?

Паша чуть смущается, а потом пожимает плечами.

— Не-а. Я даже не знаю, какой он. Мама говорит, что он уехал очень далеко и не вернулся.

Он смотрит в пол. Грустненько. У меня тоже становится тоскливо внутри. Потому что без папы жить вообще скучно, мне кажется...

— А я бы хотел, — говорит он. — Ну, папу. Чтобы он был весёлый, сильный и немножко... — он вдруг краснеет, — ну, как твой.

Смотрю на него и мне сразу так тепло становится! Как будто какао с зефирками выпила. Потому что папа у меня и правда замечательный! И я его люблю больше всего на свете!

— Правда? — шепчу.

— Ага. Он... ну, он классный. Не как взрослые обычно. У него голос такой... крутой. И он меня не ругал, даже когда я случайно задел на пляже мячом его лимонад. Он только сказал: «бывает».

Я улыбаюсь.

— А мне твоя мама понравилась. Она такая красивая! И у неё волосы, как в рекламе шампуня. И говорит круто! Строгая, правда, как училка, но всё равно видно, что хорошая.

Паша вздыхает.

— Было бы здорово, если бы наши родители поженились. Тогда бы мы жили вместе. И вместе играли. А ещё было бы круто, если бы у нас был общий пёс. Большой. И чтобы он ел только сосиски.

— Да-а-а! — кричу я. — И чтобы у нас был отдельный домик на дереве. И чтобы нас никто не заставлял ложиться спать рано!

— И чтобы в холодильнике всегда было мороженое.

— Точно!

Мы хохочем так, что у меня от смеха даже живот дёргается.

Потом я вспоминаю про мультики. Хватаю пульт, нажимаю одну кнопку. Потом другую. Потом третью, а мультики не включаются. Вместо них — какие-то скучные тётки, которые говорят про крем для пяток.

— Блин! У нас телевизор сломался! Или интернет умер! — кричу я, нажимая уже всё подряд.

Паша подползает и берёт пульт. Жмёт две кнопки, потом — ещё одну.

— Вот. Готово. Смотри, тут надо зайти в детское меню, потом выбрать папку с мультиками. А ещё вот здесь можно управлять светом и даже включить кондиционер. Хочешь, чтобы дуло?

Он нажимает — и дует! Прямо на меня!

Я визжу и прячусь под подушку. Потом выглядываю.

— Ого, ты волшебник!

Он краснеет и дёргает плечиком.

— Не-а. Просто у нас дома система такая. Умный дом называется. Там всё с пульта. Или с телефона. Я уже почти везде разобрался.

— Вау. Ты что, программист?

— Почти. Мама говорит, что у меня мозги как у дядьки из «Силиконовой долины». Только я не знаю, что это, — хихикает он.

— А я знаю! Это где делают телефоны и умных роботов! Значит, ты крутой.

Я горжусь, что у меня есть такой друг.

— Спасибо, — тихо говорит он.

А потом вдруг добавляет:

— Слушай... может, мы правда попробуем поженить их?

Я чуть не подпрыгиваю от счастья.

— Да! ДА! Это и есть мой секретный план! Операция «Поженим их»! Мы сделаем так, чтобы они остались вдвоём... и у них не было выбора!

Паша широко улыбается. А я думаю, что мне с ним точно не скучно. Никогда.

Глава 7

Арина

— План то мы придумали, но ведь теперь нужно тщательно разработать все фазы секретной операции! А для этого нам нужно полностью исследовать территорию участков наших домов, просчитать все возможные варианты развития событий и полностью исключить проникновение посторонних гостей на время проведения операции, - важно объявляю я Паше, сидя на ветках старой яблони, на супер секретном совещании тайных агентов “ДИП” - так мы назвали нашу операцию “Давай Их Поженим”.

— Крутые словечки знаешь! - восхищается друг. - Как будто ты ведущая новостей.

— Благодарю, агент П, - с серьезным лицом киваю я, а через секунду не выдерживаю и начинаю хихикать.

— Агент А, прошу сохранять серьезность, - включается Паша в игру и тоже смеется.

— Знаешь, я в одном фильме видела, как влюбленные поссорились, а друзья их в одном доме закрыли. А они там и помирились, - объявляю и жду реакции Паши.

— Так а наши-то родители не влюбленные, - озадаченно произносит напарник.

— Значит, наша задача номер один - сталкивать их почаще, чтобы они поскорее влюбились! - радостно выдаю я, откусывая сочное яблоко, которое сорвала прямо с ветки.

— И как мы это сделаем? - удивленно спрашивает друг.

— Как-как! Будем друг другу заранее сообщать о планах и вести туда родителей! - от радости, что придумала такую гениальную идею, ерзаю на ветке и едва не сваливаюсь с дерева.

— Тогда на связи, аген А, - Паша прикладывает руку ко лбу и отдает честь.

— На связи, агент П, - повторяю его жест и слезаю с дерева.

Мы обмениваемся рукопожатием на прощание и разбегаемся по домам, потому что солнце уже начинает клониться к закату, а живот возмущенно урчит, сообщая, что кроме яблок и мороженого ему хочется чего-нибудь посерьезнее.

Вечером, лежа в кровати, получаю сообщение от Паши: “Завтра идем ужинать в кафе “Морской бриз”.

Так, начинаем действовать! Потираю руки и радостно засыпаю.

— Пап, а может сходим вечером в кафе? - как бы между прочим спрашиваю утром, откусывая бутерброд с маслом и ветчиной. - А то сидим дома, как пенсионеры.

Честно говоря, не вижу ничего плохого в том, чтобы сидеть по вечерам дома и смотреть мультики или в куклы играть, но почему-то папина секретарша очень осуждающе говорила про это занятие, когда болтала по телефону с кем-то.

— Я не против, - улыбается папа. - Сейчас поищу в интернете какое-нибудь.

— Да зачем искать, я и так знаю! Самое лучшее кафе - “Морской бриз”!

— Откуда знаешь? - на лице папы удивление.

— Да... Танька рассказывала, что они ходили туда с родителями, когда отдыхали, - слежу за выражением лица своего родителя, - подружка моя... из лагеря... новая, - добавляю, опережая новые вопросы. - В общем, крутое кафе, надо сходить.

— Ладно, поверим твоей Таньке, - папа качает головой, но улыбается, а значит, он согласен!

Ноги хотят пуститься в пляс, отбивая победную чечетку, но вместо этого дожевываю бутерброд и ставлю тарелки в раковину.

— Ну я пойду, Пашку позову, - объявляю и спешу смыться из кухни раньше, чем папа возразит.

Чуть не лопаюсь от нетерпения, пока дожидаясь вечера. Уже раз пятьдесят отправляла Паше смски, уточняя, ничего ли не изменилось. Но напарник успокоил, что все идет по плану.

Мы приезжаем чуть раньше. Папа говорит, что лучше раньше, чем позже, чтобы занять хороший столик и не ждать сто лет, пока принесут еду. Хотя я думаю, что это он просто голодный и хочет побыстрее попробовать лосося под каким-то там «соусом из маракуйи».

Фу. Лучше бы с кетчупом.

Таксист останавливается, папа достаёт бумажник, а я быстро выскакиваю из машины и бегу внутрь.

Тут красиво. Всё беленькое, пахнет морем и жареной картошкой. Девушка на входе — в такой классной форме, как у стюардессы, и с яркими губами. Я мигом подхожу к ней и шепчу заговорщицки:

— Слушайте, милая девушка, а можно вы сделаете вид, что брони на фамилию Сафонова не нашли? Нужно, чтобы нас и Сафоновых за один стол посадили. Это важно. Очень-очень, - тараторю я и вытаскиваю из кармана платья помятую купюру в тысячу рублей. Да, ради такого дела, я даже копилку свою разбила.

Она сначала делает большие глаза, а потом улыбается и подмигивает.

— Деньги спрячь. Лучше оставишь чаевые официанту, если вам у нас понравится, - улыбается девушка.

Ура! Люди понимают важность секретных операций!

Папа заходит на пару минут раньше Паши и его мамы.

Он ничего не подозревает и говорит девушке, что ему нужен столик на двоих.

Пока девушка что-то проверяет на планшете, папа оборачивается в поисках меня.

— Пап, а я тебя здесь жду, - машу ему с улыбкой с деревянной скамейки у стены.

И тут входят Ирина и Паша.

Мама Паши такая красивая, аж дыхание перехватывает. В этом белом платье она чем-то похожа на невесту. Перевожу взгляд на папу и замечаю, что он тоже смотрит на Пашину маму.

Хоть бы он уже сейчас влюбился!

Скрещиваю пальцы в кармане и загадываю желание.

— Добрый вечер, у нас бронь на фамилию Сафонова, — говорит Ирина, и у неё голос такой, как будто она командует армией официантов.

— Простите, — говорит хостесс, — но, кажется, мы не можем найти вашу бронь. И вообще... у нас остался только один свободный столик. На четверых.

— Как это не можете найти? — Ирина поднимает бровь, и хостесс немного сжимается. Я аж горжусь ею. Настоящая актриса!

— Возможно, произошёл сбой в системе, — продолжает та. — Но правда, сейчас только один столик — вот там, у окна. И если вы не против, то с вами за столом будет и эта пара, - девушка указывает на нас. - А в качестве комплимента, мы угостим вас нашим фирменным десертом.

Лицо Ирины вытягивается от неожиданности, она поджимает губы и теребит сумочку.

Паша широко улыбается и машет мне рукой.

Я почти визжу от радости, но прикрываю рот руками. Всё по плану! Они либо согласятся, либо уйдут! Нет, не уйдут — Паша же в сговоре!

И правда. Он хватает Ирину за руку, когда она уже открывает рот, чтобы сказать “нет”, и говорит:

— Мам, я такой голодный, что у меня сейчас будет приступ голодного обморока! У меня уже всё в животе хлопает! Я больше не выдержу!

— Паша... — Ирина прищуривается. — Когда ты решил стать актером?

— Но у меня правда всё бурчит! Смотри! — он прижимает её руку к животу.

Мама Паши вздыхает.

— Ладно... Пусть будет общий стол. Но если кто-то опять испортит настроение, я не знаю, что сделаю, — бурчит она.

— Добрый вечер, Ирина, - наконец, выходит из ступора папа.

— О, а у вас бывают добрые вечера? Такие, где вы не отжимаете у людей бизнес? — голос у неё ровный. Резкий, как лезвие.

- Поверьте, не вы одна сегодня будете ужинать без аппетита, - почему-то отвечает папа. Причем здесь аппетит вообще не пойму. Странные эти взрослые.

— О, вы слишком самонадеянны, если думаете, что так легко сможете отбить у меня аппетит, — отвечает Ирина таким голосом, будто сейчас начнётся драка вилками. - Наоборот, вы его только раззадориваете.

Она дергает плечами и уверенно идет за официантом, громко стуча каблуками по полу.

Папа за ней следом. Замечаю, как на лбу у него начинает бугриться вена. Обычно она появляется, когда я что-нибудь натворю в школе. Или когда няни требовали от папы возмещения ущерба за испорченные жвачкой шиньоны.

Так а сейчас-то почему она вздулась? Все вроде в порядке.

— Кажется, наш план работает! - шепчет мне Пашка, когда мы идем за родителями.

— Ага! - киваю я.

Мы усаживаемся и я знаю — это будет лучший ужин на свете!

Потому что **операция «ДИП» началась.** И первая фаза — «случайная встреча» — прошла на отлично!

Глава 8

Иван

Ну что ж. Я чувствовал, что Сафонова попортит мне нервы на отдыхе. Только не в таком формате.

Идя в кафе, я думал, что просто посидим спокойно с Ариной, закажем стейк, поболтаем о чём-нибудь простом — каникулах, мороженом, мультиках.

Но нет. Сам дьявол-искуситель подбрасывает мне Сафонову. В белом платье, с идеально гладкими плечами и глазами цвета арктического льда.

Она входит в ресторан как буря. Без грома, но с таким давлением, что у хостесс начинают дрожать ресницы. Я успеваю подумать: *Чёрт, неужели даже в отпуске эта женщина способна меня выбить из равновесия?*

Оказывается — да.

Даже без папки с договорами.

Она выглядит так, что хочется сделать глоток воды. Или виски.

Да, лучше виски.

Но я держу лицо. Потому что знаю: она первая не сорвётся.

Усаживаемся за стол и делаем заказ. Честно, я даже не помню, что заказал. В мыслях полный кавардак, а перед глазами все еще покачиваются округлые бедра, обтянутые белой тканью платья.

Эта женщина ходит так соблазнительно, что при других обстоятельствах я бы уже сделал ей непристойное предложение.

В брюках становится как-то тесно. Пытаюсь отвлечься и снова хватаюсь за меню.

— Что, ищете таблицу Excel вместо закуски, — бросает она насмешливо.

— Я предпочитаю более сочные блюда на закуску. Нарезку из подкопченного на солнце бедрышка, например, — парирую я и смотрю на нее, против воли задерживаясь на пухлых губах, подкрашенных еле заметным розовым блеском. Какой бы стервой не была Сафонова, не признать того, что она чертовски сексуальна, нельзя.

Замечаю, как Ирина чуть краснеет под моим взглядом, но мгновенно берет себя в руки и откидывается в кресле. И это движение — до смешного простое — почти выбивает из меня воздух.

Чёрт. Сколько лет прошло с тех пор, как женщина меня вот так цепляла.

— Никак не могу избавиться от ощущения, что наша встреча сегодня не случайна, — бросает она. — Один свободный столик — и тот на четверых.

— Могло быть хуже, — пожимаю плечами. — Представьте, если бы свободным остался только столик для двоих. Вот там нам с вами точно было бы тесно. Хотя... кто знает.

Она замирает на долю секунды. И я вижу, как уголок её губ дёргается.

— Вам всегда так легко даются подкат и язвительность? Или только когда рядом женщина, которая не собирается смеяться над вашими шуточками?

Она смотрит на меня долго. В её взгляде — и холод, и огонь, и вызов, и... интерес.

А может, мне показалось.

Но, похоже, мы оба начинаем проигрывать ту самую войну, которую никто не собирался начинать.

Кожей чувствую, как меняется воздух. Замечаю, как напрягается её спина, как она держит вилку, как отодвигает прядь за ухо.

Мелочи, но я ловлю каждую.

И что самое странное — мне не хочется заканчивать этот вечер.

Хочется смотреть, как она парирует. Хочется спорить. Хочется находиться рядом с ней.

Я ни разу не романтик. Я привык держать всё под контролем. Женщин — тем более. Но Ирина Сафонова — это тот случай, когда контроль трещит по швам.

И я ловлю себя на мысли, что *хочу её. В каждом смысле.*

От внезапного осознания становится жарко.

Хватаюсь за стакан с ледяной водой, как за спасение. Мне срочно нужен холодный душ.

Замечаю, как дети молча переглядываются. Блин, ну и родители мы! Совсем забыли про детей, соревнуясь в колкостях.

Хотя, Арина не выглядит расстроенной. Наоборот, у них с Пашей целый язык жестов — *взгляд, кивок, подмигивание*. У них явно есть план. Они сидят по разные стороны стола, но у них общая волна.

Куда там деловым партнёрам.

Паша вдруг берёт салфетку, вытирает абсолютно чистые руки и встаёт.

— Мы с Ариной... пойдём в туалет, — говорит он так важно, как будто они собираются подписывать международное соглашение.

— Мыть руки! — добавляет Арина. — И может, посмотреть на ракушки! В коридоре висят!

Я киваю, но смотрю им вслед прищуренно. Уходят они подозрительно быстро. А обратно возвращаются подозрительно долго.

— Они что-то затеяли, — говорю, глядя на Иру.

— Они дети, — фыркает она. — Они всегда что-то затевают.

— Да... у них больше шансов заключить сделку, чем у нас с вами.

Она делает вид, что не слышит, но я вижу — губы дёрнулись.

— Знаете, — говорю я, опираясь на локоть, — предлагаю перемирие.

На время отпуска. Давайте, на этой неделе — никаких дел, никаких переговоров, торгов и цехов.

— Вы правда считаете, что это возможно? — приподнимает бровь Ира. — Чтобы мы, находясь за одним столом, не обсуждали, как вы хотите отжать у меня объект?

— Я не хочу отжать. Я хочу купить. И предложил лучшие условия. Просто бизнес. Ничего личного.

— Ах, да. Забыла, что вы у нас ироничный, благородный, харизматичный... и совершенно невменяемый, — бросает она.

Я улыбаюсь. Она раздражена — значит, тронута.

— Давайте хотя бы сделаем вид, — предлагаю. — Ради детей.

Они ведь думают, что мы нормальные взрослые.

Ирина закатывает глаза.

— Нормальные — это не про нас. Но...

Она делает театральную паузу. Я почти чувствую, как в воздухе щёлкает что-то между нами.

- Хорошо. Перемирие, но с условием.
- С вами не может быть иначе... - усмехаюсь я.
- Только при детях я делаю вид, что не ненавижу вас.

— Щедро. В вашем случае — почти признание в любви, - смеюсь я.

— Осторожно, Иван Андреевич. Если вы ещё раз намекнёте на любовь — я позову официанта и попрошу пересадить вас за другой столик. Прямо на улицу.

Она делает глоток воды. А я снова смотрю, как напрягается её шея.

Проклятое платье.

Проклятая женщина.

А потом возвращаются дети — счастливые, будто только что выиграли Олимпиаду. Арина берёт меня за руку, Паша садится рядом с Ирой и кладёт голову ей на плечо.

И я думаю:

Ладно. Пока перемирие. Но я всё равно хочу выиграть эту войну.

Глава 9

Ира

Что за фигня вообще происходит?

Я, конечно, много кого встречала. От мямлящих инвесторов до брутальных бизнесменов с руками, как лопаты, и интеллектом пыльной кассы из сельпо. Но чтобы враг в сделке был таким... сексуальным?

Нет, правда. Наблюдаю, как он мешает лед в стакане, а у самой ладони влажные. И это не из-за жары. Это из-за него.

Стриженов Иван. Засранец, который хочет сорвать сделку, к которой я шла месяцами. И при этом смеет смотреть на меня своими синими глазами, будто я не его конкурент, а объект его романтических фантазий.

Ага. Щас. Ща я тут и растекусь по стулу, как растаявшее мороженое.

— Вам всё нравится? — спрашивает официантка. Я едва не подпрыгиваю.

— Да, всё прекрасно, — отвечает он. Голос у него низкий, уверенный, как в рекламе мужского одеколona. Вот только вместо свежести моря в нём — сплошной жар.

Официантка уходит, и я снова смотрю на него. Не специально! Он просто сидит напротив. И улыбается так, будто знает, что у меня внутри всё пульсирует от злости и...

...от желания?

Чёрт. Я не могу себе позволить **так** думать.

Но, чёрт подери, почему у него такая линия подбородка? Почему его руки выглядят так, будто он только что вытащил кого-то из огня?

— Как насчёт десерта? — спрашивает он, и в голосе его появляется что-то... запретное и обещающее.

Я вскидываю подбородок.

— Боюсь, могу подавиться. Слишком сладко от вашей наглости.

— Я бы посоветовал тогда не заказывать ничего с карамелью, — парирует он, и я закатываю глаза.

А внутри — бешеная скачка. Адреналин, смешанный с тем самым чувством, которое я хоронила все эти девять лет. Женское влечение. Сложное, опасное, с нотками страха и дурной надежды.

Паша подаёт голос, и я хватаюсь за это, как за спасение. Но на самом деле... я давно в этом огне. С того самого момента, как увидела его сегодня. У него такой взгляд — внимательный, сильный... как будто ему можно всё.

Даже меня.

Только не сегодня, Сафонова. Не сегодня.

Делаю глоток воды и отвожу взгляд. У меня есть цели. У меня есть ребёнок. И у меня есть договор, который я всё равно заберу у него.

Но он усмехается. И я понимаю, что эта битва будет долгой.

Только вот я не уверена, что хочу её выиграть.

И всё бы ничего, если бы не эти двое.

Арина и Паша.

Сидят как заговорщики. Подмигивают. Шепчутся. И так невинно улыбаются, что мне хочется вызвать им обоим наряд психолога.

— Ма-аам, а ты заметила, как у дяди Ивана рубашка красиво глаженная? — ни с того ни с сего говорит Паша, делая лицо, будто он обсуждает климат в Никарагуа.

Я моргаю.

— Ты что, вступил в клуб поклонников моды? — хмурюсь. — Или ты сейчас намекаешь мне на что-то?

Он фыркает и делает вид, что пьёт воду.

Арина, тем временем, ловко поправляет папе салфетку на коленях и сладким голосом говорит:

— Папа, а ты когда последний раз ел в такой компании? Особенно с такой красивой женщиной напротив?

Я в этот момент пью воду и давлюсь от неожиданности так, что вода идет носом.

Черт, черт, ЧЕРТ!!!

Стриженов лишь улыбается.

Время счёта. Тянусь за сумкой. Не люблю, когда кто-то платит за меня — особенно враг.

Но он уже что-то говорит официантке тихо.

— Иван Андреевич, — говорю, напрягая голос. — Мы вообще-то не договаривались о благотворительности.

— И не будем договариваться, — отзывается он легко. — Это не благотворительность. Это просто само собой разумеющееся.

Я напрягаюсь.

— Сафонова, расслабьтесь. Я всё равно списываю это на корпоративные расходы.

— Вот и списывайте на себя, — огрызаюсь. — Мы с Пашей самодостаточные.

— Но Паша мне уже пообещал, что поужинает со мной в следующий раз. Так что я считаю — я инвестирую в будущее.

Я закатываю глаза. Он кивает на выход, что-то говорит администратору — и уже такси на подходе. Ещё и второе, для нас с Пашей.

— Спасибо, — бурчу я, загружая сына в машину.

— Всегда пожалуйста, — бросает он и задерживает взгляд на моих губах. В который раз уже за этот вечер.

Что это значит?

И вообще, значит ли?..

Ночью лежу в постели и смотрю в потолок. Морфей категорически отказывается принимать меня в свои сладкие объятия. Похоже, он знает, что все мои мысли заняты сегодня совершенно другим мужчиной...

Стриженова сегодняшним вечером я увидела совершенно с другой стороны.

Во всех его жестах читается уверенность и сила: в том, как он держал вилку, как общался с официантом, каким тоном сообщил о том, что оплачивает счет, даже не спросив меня.

Таким мужчинам совершенно не хочется возражать. С таким мужчиной чувствуешь себя в безопасности, потому что с ним не нужно быть сильной. С таким мужчиной знаешь, что он решит все проблемы.

Если бы мы познакомились при других обстоятельствах, возможно я бы...

Стоп! Не о том я думаю!

Я его ненавижу. Или... должна ненавидеть.

Он конкурент. Засранец. Мужчина, который чуть не обвалил мне сделку. Который улыбается так, будто знает, что я не такая неприступная, как кажусь.

И возможно, он недалек от истины. Потому что от воспоминаний о его взгляде, задержавшемся на моих губах, по коже пробегает ток.

Чёрт.

Заворачиваюсь в одеяло и сжимаю колени, отчего между ног стреляет сладко-тянущая пульсация.

Сафонова, тебе срочно нужно с кем-то переспать...

Глава 10

Ира

До конца отпуска два дня.

Два дня покоя. Точнее — внешнего покоя, потому что внутри у меня давно не штиль. А самый настоящий ураган по имени "Иван Стриженов".

Переговоры по поводу покупки цеха я поставила на паузу. Иван слово сдержал: ни намёков, ни тонких выпадов, ни «случайных» встреч с продавцом. Хотела бы я сказать, что это расслабляет... но нет. Это пугает. Потому что слишком тихо и спокойно. И слишком... приятно.

И я начинаю ловить себя на идиотской мысли: а что, если бы мы с ним не были конкурентами?

Если бы встречались не в контексте сделки, а... например, в другом. Более личном.

Стоп. Отставить!

Мы каждый день видимся на пляже. Дети давно превратились в неразлучную банду. Паша и Арина пропадают то у нас, то у них. И, честно? Это удобно.

Мне не приходится развлекать сына, а у Ивана есть повод снова подойти, снова что-то сказать, снова бросить одну из своих фразочек, от которых то хочется смеяться, то швырнуть в него подушкой. А иногда — и подушкой, и чем потяжелее.

Поскольку тема «бизнес» между нами под строжайшим запретом, приходится говорить обо всём остальном. И оказывается, нам есть, о чем поговорить: о фильмах, о еде, о детях, о хобби.

Буквально вчера меня осенило — а когда вообще я начала ждать этих разговоров?

Сегодня с утра всё идёт как обычно. Завтрак, кофе, список задач. Потом решаю сбегать в супермаркет — детям купить фруктов, себе — очередной успокаивающий чай, который все равно не работает.

Возвращаюсь — и сразу понимаю, что что-то не так.

Дома подозрительно тихо.

— Паша? — зову с кухни. — Я вернулась. У нас есть арбуз!

Тишина.

Прохожу по комнатам. Его нигде нет. Мерно гудящий холодильник, мои шаги по плитке и — всё. Ни смеха, ни голосов, ни любимого Пашкиного мультика на полную громкость.

Чёрт. Телефон.

Лезу в сумку — пусто. Ни мобильного, ни даже наушников.

Сердце начинает колотиться. На автомате натягиваю сандалии, чтобы побежать к соседнему дому. Наверняка Паша у Арины, заигрались. Но на пороге сталкиваюсь с самим Иваном.

У него глаза тревожные. Одет небрежно — футболка, шорты, босиком, но я всё равно успеваю отметить: выглядит, как герой романа, который сначала спасёт, потом поцелует, а потом разобьёт сердце.

— Арина у вас? — спрашивает он.

— Нет. Я думала, они с Пашей у вас.

Пропускаю его внутрь, закрываю дверь, чтобы не залетели мошки, и слышу щелчок.

— От

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.